ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

„Истинная жизнь всегда — Анархия!
Истинная молодость всегда — жизнь!"

№ 26—27.

Цена в Москве 3 р. 75 к.
вне Москвы 4 р.

Главная контора и Экспедиция:
Москва, Тверская ул., Б. Чернышевский пер., д. № 18, кв. № 2
(вход со двора).

Главная Контора открыта ежедневно кроме четверга с 11 до 1 час. дня.
Экспедиция открыта по вторникам и пятницам с 11—1 час. дня и по понедельникам и средам с 4—6 час. вечера.

РЕДАКЦИЯ: *Москва*, 1-я Мещанская, д. № 50, кв. 12.
Открыта по вторникам и пятницам с 6—8 час. вечера.

ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ АНАРХИСТСКОЙ МОЛОДЕЖИ.

ИЗ АЛЬБОМА РОССИИ.

ЛЕТО.

ТВЕРЬ. На окраине.

ГОТОВЬТЕСЬ К С'ЕЗДУ!

В заседании от 11 марта с. г. Секретариат Всероссийской федерации Анархистской Молодежи принял решение о созыве на 27 апреля с. г. (по нов. ст.) в Москве 1-го Всероссийского С'езда Анархистской Молодежи.

Подробности о с'езде будут своевременно опубликованы.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Секретариат Всероссийской Федерации Анархист. молодежи извещает о перемене своего адреса: Москва, Тверская ул., Б. Чернышевский пер., д. № 18, кв. № 2. (Вход со двора).

Дежурство секретарей ежедневно с 11—1 часа дня кроме четверга, а по вторникам, четвергам и пятницам от 4—6 час. вечера.

Деятельность Всероссийской Федерации анархистской молодежи.

11 марта состоялось первое совместное заседание Секретариата и всех находящихся в Москве членов Федерации. На этом заседании был подведен итог полуторамесячной деятельности Секретариата, а также вырисовалась яркая картина состояния дел Федерации.

Заседание открывается докладом Завед. Стат. Справ. Бюро Секретариата тов. Чиволова.

Тов. Чиволов констатирует, что тот отклик, который дала провинциальная молодежь на факт образования Всефама, превысил все ожидания Секретариата. Сейчас-же, вслед за опубликованием первого воззвания Секретариата, со всех концов стали получаться письма провинциальных товарищей. Все эти письма, по их конкретному содержанию, можно было разделить на три главных разряда. Одни товарищи заявляли, что, будучи согласны с принципиальной платформой Фед., они просят ввести их в списки членов Федерации.

Другие—к просьбе о включении их в члены Фед., прибавляли, что они желали-бы, под непосредственным руководством Всефама организовать группу анархистской молодежи на месте своего жительства. И, наконец, третьи сообщали о существовании в их городе группы анархистк. молодежи и о желании этой группы вступить во Всероссийскую Федерацию.

Все уже существовавшие группы были немедленно включены в состав Фед., им были посланы книги, газеты и планы работ, для основного руководства. Товарищам, писавшим о своем желании организовать группу молодежи, были посланы подробные инструкции по организации. В настоящий момент громадный процент этих товарищей уже организовал группы, вступившие в Федерацию и начавшие работу. Что касается до первой категории писем, то Секретариат решил всех товарищей, заявивших лишь о своем желании вступить в члены Федерации, просить начать немедленно работу по организации кружков молодежи, стать, выражаясь технически, инструкторами Секретариата. Этой мерой Секретариат стремился достигнуть две цели. Во 1-ых, более быстрой организации кружков молодежи на местах и во 2-ых привлечение всех членов Фед. к подлинно-активной работе. Отметив, что почти все товарищи, которым были посланы письма с просьбой стать инструкторами Секретариата на местах, ответили своим согласием и, что в настоящий момент Секрет. получает известия об образовании ряда групп усилиями именно этой категории товарищей, тов. Чиволов переходит к точной статистике групп входящих в состав Федерации.

Он читает перечень их и подробные адреса. Цифры следующие: В Москве имеются 5 групп. В провинции уже образовалось и вошло в Федерацию 34 группы. В периоде образования находятся—42, общее число членов Федерации 257 чел. (до 10 марта). И, наконец, около 25 инструкторов приступает к работе.

Таким образом можно считать, что к концу марта число групп входящих в Федерацию достигнет 100; и что, следовательно, созыв 1-ого Всерос. С'езда станет, поскольку дело зависит от организационной работы на местах, реальной возможностью. Заканчивая свой доклад, тов. Чиволов констатирует, что только истинной анархичностью молодежи можно об'яснить тот факт, что в течение полуторамесяца удалось сорганизовать крепкую сравнительно большую, и главное, проявляющую большую работоспособность Всероссийскую Федерацию анархистской молодежи.

Завед. отд. пропаганды тов. Н. Марков делает доклад о снабжении групп литературой. Он говорит, что благодаря близкой связи Секретариата с наиболее большими анархистскими организациями Москвы—Всерос. Федерации Анархо-Коммунистов и союзом Анархо-синдикалистов—коммунистов, удалось достаточно хорошо поставить снабжение провинциальных групп литературой, ибо последние отпускают Секретариату книги в рассрочку и со скидкой. Благодаря этому Секретариат постановил составить два транспорта литературы, один—высылаемый группам и лицам, входящим в Федер. за 20 руб. и другой—за 40 р. эти транспорты исчерпывают теоретические и практические основы анархизма—один менее, другой более полно. Кроме того установлен постоянный транспорт анархистских газет, журналов и высылка книг, согласно индивидуальному желанию тов. членов Федер., таких товарищей отд. пропаганды просит присылать подробный список книг, которые они желали бы приобрести; Секретариат постановил также высылать в транспортах литературы и наиболее яркие и выдающиеся статьи, помещавшиеся в журнале „Жизнь и Тв. Р. М.„ Тов. Марков читает перечень таких утвержденных для пересылки статей. В общем, заканчивает тов. Марков,—все трудности по снабжению групп литературой, можно считать преодоленными.

Следующим делает доклад тов. казначей. Он читает отчет о денежных суммах, помещенный нами в № 24—25 нашего журнала, и констатирует, что, начав работу без всяких средств, Секретариат, благодаря исключительной поддержке анархистской молодежи имеет возможность обеспечить материальную сторону 1-го Всерос. С'езда Анархистской Молодежи.

Докладом тов. казначея, общий доклад Секретариата общему собранию московских членов Федерации и заканчивается.

Собрание постановляет благодарить тов. секретарей за совершенную ими большую организационную работу и, выражая Секретариату свое полное доверие, шлет братский привет всем провинциальным группам и организациям. Засим собрание переходит к вопросу о созыве С'езда Всероссийской Федер. и решает назначить созыв его на 27 апреля, приурочив его к майским торжествам. Затем собрание поручает Секретариату выделить из своего состава комиссию по выработке регламента с'езда и его технической организации. Последний вопрос об организации отделов Секретариата разрешается так: Секретариат делится на отделы статист. справ., устной и печатной пропаганды, казначейский и редакторский (по редактированию бюллетеня, воззваний, сообщений и инструкций). Статист. справ. отдел вмещает в себе отдел корреспонденции, отдел справок и отдел статистики. Собрание выделяет для заведывания отделами из состава Секрет. след. товарищей: Стат. справочным (общая работа) тов Л. Чиволов, устной и печ. проп. тов. Н. Маркова, казначеем тов. М. Т. редакторским тов. П. Гара, отделом корресп. и статистики тов. Н. Корсиков и, наконец, отделом справок тов. Гольдберг. На этом первое совместное заседание Секретариата и членов Моск. группы Всефам'а заканчивается.

ПЛОЩАДИ БУДУЩИХ ПИРАМИД.

Вы, конечно, знаете о грандиозных пирамидах Египта, которые строили фараоны для прославления себя и сохранения своих трупов, заставляя над их постройкой трудиться десятками тысяч покоренных народов?

Вы знаете, также, что капуцины, заполняли в Риме целые комнаты человеческими костями и разлагающимися трупами своих мертвецов, разносивших зловоние и заразу по всему городу, пока, наконец, новое гражданское правительство Рима не запретило им продолжать эти вредные приемы внушения на сердца богомольных посетителей.

Вы знаете и то, что мусульманские мечети так же, как и русские православные церкви, очень любят сохранять останки своих основателей (священников и церковных старост) около церковной ограды ради возбуждения религиозных чувств.

Не то же ли подражание древним фараонам, капуцинам или религиозным обществам мы наблюдаем теперь, когда желают увековечить имя Свердлова? Правда, несколько иное, более „дешевое“ подражание, но по существу носящее один и тот же характер.

Красная площадь, центр Москвы, стала у нас, у людей более культурных, чем древние площадью трупопоклонства, заразы и нового гражданского молитвенного двора, кремлевская же стена—священной оградой.

Что, в сущности говоря, преследует Советское правительство, устраивая торжественные похороны, дорогие памятники и т. д. расходуя на это десятки тысяч народных денег.

Говорят, что это—отдача последнего долга умершему. Полно вам заблуждаться! Так ли все это в самом деле, да и требовали-ли от вас все погребенные у Кремлевской стены исполнения этого долга? Да и последний ли это долг, отдавши который, вы больше не будете помнить о „заимодавце“.

Как видно мы здесь дело имеем не с долгом и не с последним.

Ведь торжественными похоронами не исчерпывается отдача долга,—газеты сообщают, что постановлено соорудить памятник, переименовать Театральную площадь, построить Пролетарский университет его же имени и т. д.

Здесь и конца не видно этому „последнему долгу“ по отношению к гниющему, никому не нужному трупу.

Посмотрим, что же скрывается за этим пресловутым долгом. Быть может это случай для украшения столицы лишним художественным памятником? О, нет! Царские памятники далеко не удовлетворяли художественным требованиям, а о них писалось, что они поставлены „любовью народа“. Тогда была одна цель—внушить народу уважение и почитание к царской власти. То же самое преследовалось, преследуется и будет преследоваться всякой властью при ее стремлении сооружать памятники своим представителям. Народу внушается, что власть есть все, что без нее не может обойтись ни один человек и что носители власти есть великие люди перед которыми необходимо преклоняться и чтить их как при их жизни, так и после смерти,—ибо это внушение помогает внушителям продержаться еще некоторое время, пока народ окончательно не поймет, что можно обойтись без этих внушителей, без власти.

И кто только не старается внушить народу о своей святости, о своем величии: то представители церкви, открывающие свои мощи, то представители власти, строющие „пирамиды“!

Есть-ли смысл в этом обожании трупа и места, где он лежит, нужно ли все это?

Передо мною первые дни октябрьской революции, когда казалось бы все должно было перородиться, когда всему старому был нанесен смертельный удар... и что же? То там, то здесь стало слышно, что такая то улица названа Ленинской, такое то учреждение имени Маркса и т. д. Как-то не верилось... Хотелось думать, что если не в низах, то вверху, сам Ленин откажется от этих „почестей“, пережитков худших времен. Чаяния, однако, не оправдались и скоро мы стали свидетелями повсеместного переименования улиц, площадей, домов, волостей, литературных поездов, красноармейских частей, бронепоездов, и т д. имени Маркса, Ленина, Троцкого, Володарского, Урицкого и т. д.

Таковы были первые признаки духовного убожества при установлении новой власти.

Я не ставлю себе задачей говорить здесь подробно о том, что каждая власть создает своих божков и что, следовательно, всесторонний расцвет личности не может быть мыслим при существовании государства,— я хочу лишь остановиться на вопросе о гражданских похоронах.

18-го марта с. г. состоялись похороны первого председателя В. Ц. И. К. Я. М. Свердлова,—эти похороны наиболее характерны для затронутаго нами вопроса.

Казалось-бы, что порвавши с церковью и ее обрядами, большевики должны были совершенно исключить похороны из своего обихода, но напротив, мы наблюдаем полную аналогию похорон гражданских с церковными.

Для трупа вождя отвели колонный зал одного из лучших домов — дома Союзов, поставили почетный караул из членов В. Ц. И. К. с дежурством каждого по часу, труп набальзамировали и устроили торжественные похороны.

Нескончаемой цепью тянутся ряды войск, народа, делегаций, знамен, оркестров, венков „под тихий звон металлических лавровых листьев“ (так и хочется сказать: „под тихий звон церковной колокольни“ см. „Известия „№ 60“).

Похоронили... Решено соорудить на месте могилы дорогой памятник во главе покоящихся рабочих и солдат... Быть может хоть здесь проглянет равенство? Но нет! И здесь бывший носитель власти ставится выше павших рабочих, тех рабочих, которые прокладывали путь новой власти, путь Свердлову. Как будто они меньше любили революцию и меньше сделали для народа, первые подняв знамя восстания?!!

Пройдут года... Умрет еще не один президент и не один председатель, быть может, их еще более прославит „придворная клика“ и создаст им на той же „Красной“ новые, более величественные памятники, и так вся Красная площадь будет площадью мертвецов—президентских и председательских гробниц, площадью будущих пирамид.

Провинция, чутко прислушивающаяся к „культурному“ центру, не замедлит пойти по тем же стопам; там и теперь, в центре города, вы встретите братские могилы; умрет председатель Совета в N-ом местечке и ему также поставят выдающийся памятник, а в итоге—через несколько лет, все центральные площади городов Республики превратятся в площади маленьких и больших пирамид. При в'езде в город вас будет обдавать трупный запах, преследовать вечный призрак власти и рисоваться картина, вечно связывающая с минувшим, тем минувшим, которое, останавливая человека у заброшенной дороги прошлого, удерживает его от порывов вперед—к новым невидимым далям...

А в дни годовщин вы услышите похоронный марш, увидите людей с траурными повязками, с опущенными знаменами и печальными лицами...

Так человек создаст себе нового кумира, который властвуя при жизни и после смерти, еще долго будет требовать оплаты „последнего долга“.

Забыт старый мир гнета, мрака и невежества. Сброшены старые призраки—царские памятники, их место занимают под новые, президентские, которые в свою очередь потом будут снова сбрасывать и, быть может, снова ставить, пока, наконец, народ не осознает, что этим он создает себе все те же узы рабства, перекрашивающиеся, в зависимости от условий момента, то в красный, то в белый или желтый цвет.

Долг отдают лишь живым людям, лишь при жизни необходимо заботиться об условиях, благоприятствующих существованию каждого и нужно было при жизни притти на помощь больному со всеми, имеющимися в нашем распоряжении средствами, а если умер и стал трупом, скорее сожгите его или заройте поглубже. Не все ли равно чей это труп—председателя или рядового работника, зачем же труп первого бальзамировать, одевать в лучшие одежды, класть в богатый гроб, ставить памятник и т. д.?

И вот, в то время, когда из нашей груди вырываются крики негодования против всего перечисленного—в этот момент вы видите в стене Малого театра и Москве уродливое изображение П. Кропоткина и слышите о предполагающейся постройке памятника тому, кто всегда был противником этих почестей и славы.

О! Если-б знал он, что ему, Бакунину, люди власти думают соорудить памятник,—каким громким смехом ответил бы он на их почесть!!.

Как они грязнят его, создавая ему то, против чего он всю жизнь восставал, клеймя неправдой все эти преимущества—славу, чины, властолюбие—все эти традиции и предрассудки старого, извращенного мира! Памятник... поставить памятник тому, кто всю жизнь вел, как подвижник революции—среди миллиона опасностей и лишений, тюрем и ссылок, кто всю жизнь пренебрегал всем тем, что бы могло отделить его от рядового работника...

И его последователи отлично поняли его... Они поняли, что достойный способ чтить его память—продолжать начатую им борьбу против власти, за идеалы Анархии, с тем упорством и энергией, которые вдохновляли Михаила Александровича...

На Бернском кладбище, где лежит его прах—лишь простой камень с именем отличает место его погребения. И друзья и последователи никогда не дерзнут воздвигнуть ему тщеславного памятника, который бы мог нанести великое оскорбление Могучему Бунтарю.

„Им памятник построен их руками,
Он—баррикада“. (А. Уранский).

И все те, кому мерзки эти новые кумиры, новые божки, затемняющие рассудок народа, заставляющие раболепствовать перед этими статуями все они—должны будить сознание народное и восставать не только против церковных памятников и мощей, но и против гражданских мощей и пирамид.

Создайте Революцию Духа!

Ничто не должно сковывать народной свободы, никаких божков, никаких условностей! В будущую жизнь, жизнь в Анархии, народ должен притти, минуя пирамиды!

Ничего *прошлому*!

Все *будущему*!!!

Близок час народного гнева и в этот час он порвет все условности, все гнетущее, все властное и те памятники, которые воздвигаются теперь, Народ-Бунтарь также сотрет с лица земли, как некогда памятники царей и генералов.

Н. Марков.

Политика *).

Начнем с определения:

Политика есть комплекс действий, направленных к достижению *насущной*,—в широком смысле этого слова—цели.

И если так определяется понятие политики, то человек, подходящий к жизни с определенным общественно-философским идеалом, должен при рассмотрении вопроса о *политике момента* прежде всего точно выяснить,—могут ли *при данной исторической об'ективности*—действия по *прямому*,—осуществлению этого идеала входить в рамки насущных действий или же путь осуществления его разбивается на ряд последовательных промежуточных этапов—на ряд предварительных осуществлений родственных ему общественных идеалов, соответствующих данной об'ективности к реализации которых и должен быть раньше всего направлен весь комплекс *насущных* действий всех тех, кто исповедует идеал более далекий от осуществления. Короче: надо решить, может ли данный общественный идеал иметь при данных исторических условиях *свою* политику, или же его политика сводится (в той или иной степени) лишь к поддержке чужой политики, к действиям по осуществлению тех промежуточных идеалов, реализация которых, во-первых, с точки зрения конечного идеала *полезна* и во-вторых об'ективно-*возможна*. Вне точного решения этого основного для адептов всякого общественного идеала, вопроса не может быть ясного определения политики данного общественного идеала.

Для анархиста вопрос о том, может ли анархизм в настоящий момент иметь свою, специфически свою политику, или же его действия, должны свестись лишь к поддержке политики других—социалистов, или даже демократов, является кардинальным при решении о форме насущных действий анархизма.

И ответ на этот вопрос тесно связан не только с разрешением почти аналогичного вопроса о возможности или о невозможности осуществления в данный момент анархизма но, в случае отрицательного ответа, еще и со следующей проблемой. Нужно и можно ли, даже в случае полной об'ективной невозможности осуществления в данный момент анархизма, все же (по тем или иным причинам) приступить к *прямым* действиям по реализации его, т.-е. утвердить по отношению к текущему моменту специфически-анархистскую политику. Разрешение этих двух проблем представляется чрезвычайно сложным. Оно может явиться только после решения целого ряда экономических, социологических философских задач и не в рамках журнальной пометки решать их. Но вне их решения, нельзя говорить и спорить о необходи-

*) К статьям т.т. Уранского и Коржикова.

мости *для анархизма* той или иной политики в данный момент. Такой спор был бы построен на грубой ошибке, граничащей с полным непониманием разрешаемого вопроса и носил бы характер явной несерьезности. И именно эту ошибку, ошибку низводящую статьи на чисто ура—барабанные клики, делает громадное число всех анархистских журналистов. Не избежал ее, хотя и отчасти, тов. Уранский. Особенно характерна со всеми ее последствиями на мысль и стиль, она у тов. Коренкова.

В этой статье мы не будем решать вопроса о характере необходимых в данный момент для анархизма насущных действий. Мы возьмем ту конкретность, которую мы имеем в настоящий момент в России и посмотрим, как анархизм, вне зависимости от возможности или невозможности осуществления его, *лишь по самому философскому смыслу своего учения*, должен относиться к этой конкретности. Рассматривая происходящее сейчас в России только через призму *об'ективно-философского* анархизма, мы избежим вопроса о том, возможна ли реализация *общественного* анархизма и уже поэтому получим ясный и твердый ответ на вопрос об отношении к существующему строю и власти.

Революция в схеме своей есть возмущение угнетенного против угнетателя. И каждое такое возмущение, больше—самый факт возникновения, на данной исторической ступени, характерный *только* для этой ступени классов угнетенных и угнетателей является следствием какого либо, исторически возникшего, но особенно остро проявившегося именно теперь, прямого или косвенного принуждения. И если возмущение удачно, если побеждают угнетенные,—они с корнем вырывают из жизни именно тот институт принуждения, во имя борьбы с которым и произошла революция. Обычаи, законы, мораль, санкционировавшие *это* принуждение, как и сам институт *этого* принуждения, навсегда уходят из жизни,—человечество освобождается от части пут его связывающих, свершается исторический шаг по пути к полному освобождению. Поэтому всякий удачный бунт угнетателей против угнетенных, как шаг к осуществлению чисто философского идеала анархизма—полное освобождение личности от всякого принуждения, является прогрессивным с точки зрения этого идеала. И поэтому основная тактика анархизма, тактика, вытекающая из самой философской сущности этого учения, может быть выражена в следующем, очень избытом, но все же глубоко анархичном девизе: „Всегда с угнетенным против угнетателя“.

Итак, удачный бунт угнетенного против угнетателя есть *всегда* качественный шаг к идеалу—к полному освобождению. Но, поскольку речь идет об отношении анархизма ко всякому бунту, ко всякой революции, постольку вопрос не исчерпывается благожелательным отношением к *удачному* бунту, как к несущему за собой новую жизнь и новую свободу. Бунт—дерзание—может быть неудачным. Как с точки зрения того же философско-морального идеала отразится неудачная революция на приближение осуществления этого идеала? Как отнестись к дерзанию?

Момент возмущения есть момент острой ненависти к существующему, момент страстного желания разрушить это существующее, угнетающее; и создать новую светлую, без угнетения и вражды складывающуюся жизнь. И действительно всякий, хотя бы мгновенно подавленный бунт несет с собой *активное* разрушение старого, и зачатка созидания нового. И если революция не удается, если вслед за порывом к новому наступает старое и усугубленное старое, тогда то, что совершалось в момент возмущения—все акты и действия пораженной революции, создают для угнетенных тот идейный фундамент, который, приходя на помощь к чисто физическим стремлениям, к революции острее и реальнее, вырисовывает для угнетенных их конечную цель, создает могучий отрицательный критерий настоящего и создает могучий стимул к новой моральной, а следовательно и физической революции. Изучение всех неудавшихся революций дает разительные примеры того, как идейный революционный багаж, который дала неудавшаяся революция делался колоссальным моральным стимулом для всех революций данной исторической ступени. Итак неудавшаяся революция, ускоряя и обостряя новый конфликт между угнетенными и угнетателями, создавая бурную революционность, дает колоссальные шансы на *успех* новой революционной волны,—и, следовательно, всегда в существе своем есть факт для анархизма прогрессивный. Поэтому формулу, к которой мы должны притти, изучая *сущность* революции, как таковой под углом зрения чисто философского анархизма и не касаясь вопроса облегчает или затрудняет эта революция—действия по *прямому* осуществлению общественного анархизма—можно выразить так. Всякая вспышка вне зависимости от ее результатов и участи, есть шаг к анархизму уже потому, что она—вспышка. Всякая революция есть прогресс, ибо она—революция. С этой формулой мы и подойдем к совершающемуся сейчас в России.

И действительно глубоко-отвратительную картину мы видим вначале, вглядевшись в то, что сейчас происходит.

Отвратительны эти массовые одним садизмом, подчас, вызванные расстрелы. Глубоко противны все эти разжиревшие комиссары, катающиеся на автомобилях в то время, когда благодаря их энергичной деятельности простой смертный не может пользоваться и трамваем. Словом отвратительно все то, что выплыло на поверхность реки революции, вся, мы бы сказали, парадно-показная сторона ее. Но если мы зададимся вопросом, в чем же историческая миссия этой революции, где то освобождение, которое, согласно нашему определению она должна была принести с собой как революция, — нам для получения ответа придется вглядеться именно вглубь реки, а не в ее поверхность. И много, много увидим мы там, но в большинстве случаев то, что мы увидим, являются, правда, пока не реальными, в смысле реального воплощения в жизнь, а лишь моральными, в психологии массы глубоко кроющимися, но все же резко чувствуемыми результатами революции. Мы увидим, что нанесен страшный моральный, именно моральный удар нравственному ощущению неравенства (раньше: вечные два момента всякого общественного отношения: барин и не барин), религии, браку и тому подобным вековым цепям человечества. И чем дальше будет развиваться революция, тем все реальнее и реальнее будут становиться эти удары, пока под их гром не падут эти цепи уже из видимой реальной жизни. Ибо моральная революция есть первый предвестник революции физической. Итак—наверху гнет насилие и хамство, а внизу медленное, но неуклонное выполнение революцией своей исторической миссии—очередного шага к конечному освобождению человечества—вот то, что мы видим сейчас в России. Ответ на вопрос об отношении к происходящему сейчас в России вполне ясен. Либо примириться с мутью революции и, поняв всю ее глубинную созидательную работу, быть с нею, либо отмахнуться от свободы, связанной с кровью и страшными страданиями и бороться против революции.

Нам кажется, что в масштабе того, что сейчас происходит, в масштабе того счастья, которое несет человечеству настоящая революция, в масштабе всего этого, все то, что выплыло на гребень революции — советский строй, от конца до начала—есть только горький, ужасный, но все же маленький и необходимый недостаток механизма революции. И необходимый потому, что без той кровожадной самозащиты, олицетворением которой является советский строй, революция, окруженная со всех сторон врагами, погибла бы в самом зародыше. А так, она победив и даже не победив—уже самой долговременностью своего процесса будет вечным факелом, роняющим искры для новых и новых вспышек.

Исходя из самой сущности анархизма, мы говорим: — Революция всегда благо, уже потому, что она—революция.

У нас революция.

И мы,—мы будем с нею!

Леонид Чиволов.

Ко всем читающим журнал!

Товарищи, примите участие в разработке нижеследующих тем для нашего журнала, так как только при всеобщем усилии могут быть пропагандированы идеи анархизма, только при полной разработке и освещении всех вопросов, касающихся идеи анархизма, может процветать и воплощаться в жизнь анархизм.

I.

1) Необходимость обобщения анархистского движения.
2) Принципы общего анархизма.
3) Очерк анархо-коммунизма.
4) „ „ индивидуализма.
5) „ „ синдикализма.
6) „ „ коллективизма.
7) „ „ толстовства.
8) Анархо-кооператизм.
9) „ федерализм.

Анархизм и демократия.

10) Тактика анархистских групп.
11) Программы „ „
12) Характер текущей революции.
13) Анархизм и этика.
14) Анархистские проекты автономного строя.
15) Собственность в свете анархизма.
16) Аграрный вопрос в свете анархизма.

II.

17) Состояние анархистской пропаганды в России.
18) Обзор анархистских организаций.
19) Статистика эволюции анархистского движения.

III.

20) Роль власти большевиков в текущей революции.
21) Плюсы и минусы власти большевиков.
22) Разрушение и творчество текущей революции.

IV.

23) Элементы анархизма в кооперативном движении.
24) Кооперативное железнодорожное строительство.
25) Организация трудовых коммун.

V.

26) Анархизм и искусство.
27) Анархизм и семья.
28) Анархизм и футуризм.
29) Анархизм и поэзия.
30) Анархизм и живопись.
31) Эстетика анархизма.
32) Новое мироощущение.
33) Новый человек.
34) Новое общество.
35) Анархизм и личность.

VI.

Обзор анархистской печати, беллетристика, поэзия, критика, библиография, корреспонденция, отчеты о с'ездах, собраниях, конференциях, лекциях и проч.

P. S. Часть взята из журнала „Революционное Творчество“ № 1 и 2, Москва.

Д. Х. Южин.

В Большом театре стал ненужен,
Хоть выбивался он из сил
И пел довольно много дюжин,
Но этим свет не удивил.
Увы! У каждого свой норов,
И я о нем сказать готов:
Певец он из антрепренеров,
Антрепренер он из певцов.

Цицерон.

Три победительницы,
Любовь. Молодежь. Жизнь.

(*Продолжение*).

Любовь-миг. Она брызг стремящегося водопада, изгиб ломанной молнии. Мгновенна вспышка ее и также мгновенно потухание. Недолга жизнь и быстра смерть.

Свет и радость. И не любовь та любовь, что горит надрывно, истерично, больно с мукой и страданием. Не любовь и та, что приходит не в беспокойных сомнениях, не в незнании жутком и трепетном, черном, неотгонимом, сверлящем в бесшумном и растущем; и та, неврывающая сразу порывом, а обдумчиво и тихо ползущая, медленно нарастающая и тускло охватывающая и боящаяся простуды и пугающаяся ожогов. Лишь та любовь, что в теми сумрачной, в ночи клубящейся в маски причудливые все наряжает, всех обольщает, увлекает, украшает, что с тайнами сливается, что ими обладает и их дарит, чему открыты они, чему понятны. Все понятны.

Земная тайна, тайна жизни
Тайна счастья,
Тайна гор,
Тайна девы, тайна звуков,
Тайна тайны,
Тайн простор.

Любовь повторна; она из звеньев, чеканных звеньев поэм забвения, поэм забытия, чуда поэм. Отграничены звенья, отчетливы черты их и неутолимо различны. Сердец, как нет похожих, так звеньев нет, резьбой узорной не отличных.

Любовь—цель всплесков, цель минут, цель искр. На наковальне юности куется эта цель, куется волшебницею-феей, куется непрестанно, куется пока не состарится и не одряхляет дух, не устрашится смелости разум и не начнет рассуждать душа. Звенья цепи мелькают, вращаясь вечно. Не легко их поймать и не всем то они, кольца яркие, любви кольца, доступны.

Кто поднимет кольца, жизнь тому забава,
Упоение жизнью не для медных лбов.

Молодежь ловит кольца—влюбляется и любит, упускает их—разлюбляет, снова ловит—и снова любит и без конца. Нет соединениям границ.

Слитые воедино, немыслимые несовместно, любовь и жизнь враждуют между собою за близость с молодостью. Не по силам борьба жизни в солнечных, ослепительных любви каскадах, теряется и серый предрассветный чели. Любовь вне ее, она над нею и легко свысока отражает удары.

Мечта—право молодости, мечта о любви—ценнейшее свойство. Любовь—ваятель дивный и в чертогах чудных греют молодежь, чертогах сказочных, чертогах блаженства... Но... Если чувства захочешь в слова воплощать, воплощать никогда не довольно...

Бесстыдство, уродство—любовь, любовь Тенеты для свободы шипят и злятся псевдо-моралисты, псевдо-философы.

„Любовь стальными цепями связывает душу"
Энэна.

Псевдо люди правы, но лишь по своему,—по узкому и мертвому. Они старики и потому не соглашаются, не могут соглашаться и не противоречить молодежи

Мы говорим на разных языках,
Я свет весны, а ты усталый холод,
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты,—песок на мертвых берегах...

Не понять молодость старости. Старики плетутся по старой протоптанной тропинке, у молодежи же нет ни пути, ни дороги, она их только ищет.

Слово любовь чувствуется им по разному. Для стариков оно перекатывается эхом в гулких сводах пустынно и холодно, а для молодежи оно целый мир, о'ешающий, не затасканный и новый мир. Молодости оно звучит гимном, хвалебной песнею, а старикам слышны только унылые погребальные перезвоны, пустое и напрасное беспокойство, погибшие мечтания и надежды, подчинение, унижение...

Старость ищет в любви уюта, „тихой радости", спокойствия, мещанских пошлостей, избегает дерзаний и находит... брак. Молодежь мятежна, она не страшится опасений, ее любовь никого не связывает, ибо, когда цепь любви перекуется на оковы, тогда любовь уже будет не любовью, а ненавистью и все ее очарования исчезнут.

Любовь освобождает от буден, творит праздества; как пчела, меняющая цветок на цветок, мед юности пьет она.

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым
Из сочных гроздий венки свивать,
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу сдежды с тебя сорвать!

. . . .

. . . .

Пусть завтра будет мрак и холод,—
Сегодня сердце отдам лучу,
Я буду счастлив, я буду молод,
Я буду дерзок, я так хочу!
Сладкая пытка, мучительность нежная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная,
Милая! Милая! Это—любовь.

II.

Как смеют жить, когда
жизни нет?
(И. Северянин).

Жизни нет! Мы не видим ее, не живем, мы лишь прозябаем, лишь существуем, тянем и тащим ее груз, но не живем. Мы не умеем жить, как не умеем побеждать жизнь.

Жизни нет! То, что носит название ее, не она, то лишь имитация, подделка. Разве серые люди живут? А мы все серы, мы все безличны, безличны, как доски забора; мы слабы, мы не можем изменить жизнь. Мы живем по необходимости, невольно, по воле судьбы, по желанию случая. Мы родились, выросли, вошли в жизнь и в нас нет решимости уйти, нет сил разорвать ее цепи, мы еще слабы, *мы еще не развернулись.*

Да и в этом ли выход? В смерти ли он? Самоубийство—обман. Нужно отдалиться от жизни, не считаться с нею, унижать, презирать, плевать на нее, но уйти через смерть, покориться, слаться ей, сознаться во мнимом бессилии, подписаться под неумением творить что-либо? Да, мы не можем ничего создать, но не из-за нашей бездарности, не потому что в нас нет вихрем бурлящего потока, нет борьбы, нет воспитания. Нет, мы могучи, но наши способности не применимы, они остаются внутри нас, стесненные стенами жизни. Уход через смерть—исход старости, у молодости исход иной. Идущей впереди, указывающей путь, ей постыдно бежать в позорную могилу. Мы уйдем от жизни, но останемся жить. Мы уйдем в любовь, в мечту, в сон. Мы будем жить вне жизни, бороться же, бороться и искать в ней. Мы верные бойцы за счастье будущего, но мы окажемся ротозеями, лентяями и трусами, упустив свое, упустив, когда оно так доступно, так близко...

Жалка молодежь, убивающая себя. Ею разгадана жизнь, но не смогла она победить.

Да, я влюблен, но на мое чувство не отвечают. Я убиваю себя. Я глуп. Я в мечтах могу любить, могу делать, что хочу: моя возлюбленная в моей власти. Она полюбит меня, она должна полюбить! Так хочет мечта!

Да, я в жизни трус, жалок и бездарен. Я некрасив, урод, кривой урод, горбатый. Меня пугаются, ненавидят. Я неудачник. Я убиваю себя. Я глуп. Я могу изменить все. Я храбр, силен, любим и смел. Желанный я, красивый. Меня жаждут, мне удается все. Мне все должно удаться! Так хочет мечта!

Цель жизни—жизнь вне жизни, жизнь в любви, жизнь в мечтах. Все так просто, все так скучно. Мы неизящны, нудны, не умеем красиво жить и ярко чувствовать, никчемностью мы, пошлостью наполнены. Ничто не увлекает нас, мы скудны и жалки, в нас плесень; после самого возвышенного опускаемся на самое дно, в самую грязь...

В любви распустятся лилий и роз лепестками бутоны наших красот, в мечтах мы превратимся в чародеев, превращающих злых в добрых, несчастных в счастливых, больных в здоровых и в чудесном сне исчезнет грязь. А между мечтами рубить мы будем грубыми ударами, непрерывными бросками лицо жизни, дабы наши мечты не остались только ими, а ожили-б и, жили. Мы останемся жить, но будем вне жизни, будем выше ее, будем считаться с нею постольку, поскольку она нам нужна.

Сон—освобождение. Только в нем, в небытии—широкая, неограниченная, неизвестная, нестесненная и потому прельщающая жизнь.

Я спал. Я был свободен.
Мой дух соткал мне сон.
Он с жизнью был несходен,
Но с жизнью сопряжен.
В нем странны были светы,
В нем было все Луной
Знакомые предметы
Манили новизной.

. . . .

. . . .

И в воздухе застыли,
Захвачены Луной,
Видения давней были,
Знакомые со мной.
Обрывы и уклоны,
И облаки и сны
И снова пели звоны
С воздушной вышины.
И мир был беспределен.

. . . .

Я был свободен, целен,—
Я спал. . . . .

В жизни мы стеснены, нас мнут и давят, не давая расцвести. Наши страстные воздушные напевы, ласкающие гусли певучей молодости, заглушают сухим барабанным треском, шумом медных труб и дребезжащим грохотом жизни. Наши скрываемые, нежные чувства теряются в бесформенной массе сутолоки, бестолковости и грубости. Наши стремления принижены и мы живем, как можем, а не как хотим. Есть препятствия нам непосильные, есть люди нам не покорные и есть цели для нас невозможные.

Заветные, цветущие хороводы, сплетения юных сердец разбиваются о барьеры жизни. Лишь в мечтах мы вольны делать что хотим, вольны ничего не делать. Лишь в мечтах жизнь, лишь в мечтах мы выше препятствий и лишь в мечтах мы непобедимы, многообразны и многоузорны.

Яд осенний окровавил
Пожелтевшие листы.
— Я в огне злых дум расплавил
Серебро своей мечты
Захрустел жестокий холод.
Даль седую скрыла мгла.
— Бей же, Рока злого молот,
По металлу до-бела.
И тяжелый грубый слиток
В формы урны перекуй.

В ней живых богов напиток
Скоро брызнет в блеске струй.
Это будут водолеи
Белопенного вина,
Это будут слезы феи
С дивным именем „Весна!“
— Камобойцы мироздания,
Пойте! Видите ли вы,
Из-под глыбы прорастание
Хрупко-радостной травы?
Мир становится чудесней.
Снится мне зеленый склон,
Нежной, полнозвучной песней
Чудится пасхальный звон.
Мне теперь уже не страшен
Грохот плавящихся руд.
На агате черном пашен
Расцветает изумруд.
В шуме горна слышу дальний
Светлый гимн весенних зорь.
Молот, бей по наковальне,
Ярче урну разузорь!

Мы бессмертны и многострунны. Из грубых слитков куем весенние урны, сокровищницы мечты. Из рабов существования делаемся властителями. Мы выше всех, мы уничтожаем предел воображений, купаемся в волнах фантазии и живем!

Я победил холодное забвение,
Создав мечту мою.
. . . .
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто!

Затаенный пожар наших стремлений вырывается на простор и разгорается в костры любви. Мы вне предрассудков, вне надзора, вне людских и природы законов. Как молодой лес после грозы распрямляемся, ароматные мечты преображают нас, наряжают в женственные чары. Как звездная семья бесчисленны наши вымыслы, всеми красками горят они и все цвета, все, все отражают. И жуткие тайны морских глубин и солнечно-льдинные вершины гордых гор подвластны и покорны мечтам.

Мы живем во сне и лишь существуем на яву. Сон, мечта, греза, фантазия—истинная жизнь. Они дополняют, украшают, оживляют существование. Нечаянная, запавшая в память встреча, она исчезла в жизни, но сохранилась в мечтах. Мечта овладела ею и встреча стала вечной, незабываемой и незабывающейся. Мечта строит для нее замки, пусть воздушные, но и души ведь тоже воздушны.

—Ветер хрипит на мосту меж столбами, черная нить под снегом гудет, чудо ползет под моими санями, чудо мне сверху поет и поет... Все мне, певучее, тяжко и трудно, песни твои и снега и костры, чудо,—я сплю, я устал непробудно, чудо,—ложись в снеговые бугры...

Чудо, мечта—отдых, забвение.

От хрипящего на мосту меж столбами ветра, от тяжких и трудных снегов и песен метели, вьюги, холода, от мрака жизни, усталости уносит оно в невидимую, непосещаемую никем, кроме любви, страну. Дорожную, приставшую к людям, грязь, цепкие болотные водоросли и душную тюрьму мысли превращает оно в весенние блески росы, в тонкие и чистые нити и паутины воссшествий, в раскрытую, бесстенную ширь.

Мы еще не победители. Жизнь еще подавляет нас массивностью, своею величиной, своими размерами, все увеличивающимися, все растущими. У нас нет надежды победить, хотя и в нас тайна победы. Наши силы неприменимы и борьба бесполезна, бесполезна, по крайней мере, для нас. Будущему будет светлее от нее, но нам, нам все равно. Но все-ж бороться мы будем! Дух борьбы и сопротивления царствует в нас и понукает безотказно сражаться с жизнью. Как средневековые рыцари, будем мы идти в бой с именем нашей Дамы на устах, с ее цветами, с ее шарфом, повязанным на руке. Имя ее—Любовь, Мечта. И у ее ног будет жизнь. У ее ног.

Мечта—цель жизни! Красивы те люди, пусть ничтожные и жалкие и скудные в обычном быту, не умеющие ни красиво говорить, ни петь, ни играть, когда в их душах цветут мечты, когда они живут только ими, берегут и развивают только их и им одним посвещают свою любовь. Эти люди истинные и единственные интеллигенты жизни. Одни они понимают ее, они одни живут, ибо берут счастье сейчас и улыбаются говорунам, обещающим его потом, после смерти, детям и внукам.

Невольники слабости, кокаинисты, морфинисты и т. д., они также интеллигенты и нет у нас права презирать их. Они также разгадали жизнь, также уходят от нее и только неверный, смертельно-неверный путь избрали.

Цель жизни—жизнь вне жизни! Мы разрешили проклятый вопрос о смысле существования и он стал для нас ясным и благословенным. Мы разрешили и откидываем его, как откинем все вопросы жизни, ибо будем вне и могущественнее ее.

„Жизнь, ты тайна величайшая!“ (А. Никаноров).

Жизнь не тайна величайшая, жизнь—величайший обман, и обман уже обнаруженный молодостью. Пламенный рассвет юности сжег июльскую ночную тьму и раздел тайну. Тайна стала явью, доступною всем явью, ужасною по пустоте и с пустым до ужаса содержанием. Жизнь—обман! Прежние благородные идеалы, высокие цели—все обман, болезненный, страшный обман! Борьба за освобождение народа, за братство, равенство.. Какой обман! Жизнь сделала нас винтами, ничтожными винтами своей игрушки. Освобождение народа, раскрепощение духа и мысли—фетиш недостижимый, фетиш искусственный и обманчивый, завлекающий. Освободить толпу, раскрепостить и разнуздать ее низменные, гнусные страсти и вожделения? Эта ли цель?

„Наши страдания дадут счастье будущему!“

Ну, а нам, нам что они дадут? Лишь право быть подпорками? Нет ответа, жизнь молчит, она уличена. Но она хитра, с будущей молодежью она повторит тот же обман, увлечет вновь изобретенными и также недостижимыми счастливой жизни идеалами. Она пообещает все, но ничего не даст. Феодалов сменил капитал, его сменяют социализм, коммунизм, индивидуализм... А потом что? Кто сменит? Снова сначала, снова отложить расплату? Снова бесконечно бороться за неосуществимые заветы счастья, бороться, когда они доступны сейчас? А если благороднейшая из целей, борьба за других—подлейший обман, то что же остальные? Ложь. Пыль. Ничто!

Счастье в нас самих! Мы отрицаем жизнь и в отрицании счастье. Мы создаем новую жизнь красочных созвучий, полных впечатлений, сочетаний любви. Пусть пока эта жизнь в мечтах, пусть пока мечты эти только—отдых, от усталости уход, но мы победим, мы сделаем мечты жизнью и тогда они станут всем. Мы хозяева! Жизнь исключительно для нас!

А пока будем жить хоть в мечтах, хоть в мечтах будем богами, будем царями, хоть в мечтах! [1]).

(*Продолжение следует*).

М. Т.

[1]) Стихотворные иллюстрации в I и II гл. принадлежат А. Ахматовой, А. Блоку, И. Северянину, Н. Некрасову, К. Бальмонту, автору и др.

Зимние диссонансы.

Яд осенний окровавил
Пожелтевшие листы.
— Я в огне злых дум расплавил
Серебро своей мечты.
Захрустел жестокий холод.
Даль седую скрыла мгла.
— Бей же, Рока злого молот,
По металлу до-бела.
И тяжелый грудый слиток
В формы урны перекуй.
В ней живых богов напиток
Скоро брызнет в блеске струй.
Это будут водолеи
Белопенного вина!
Это будут слёзы феи
С дивным именем „Весна!“
— Камобойцы мирозданья,
Пойте! Видите-ли вы
Из-под глыбы прорастанье
Хрупко радостной травы?
Мир становится чудесней.
Снится мне зеленый склон.
Нежной полнозвучной песней
Чудится пасхальный звон.
Мне теперь уже не страшен
Грохот плавящихся руд.
На агате черном пашен
Расцветает изумруд.
В шуме горна слышу дальний
Светлый гимн весенних зорь.
Молот, бей по наковальне,
Ярче урну разузорь!

Н. Некрасов.

1919 год.

В кровавых далях ресниц заснеженных,
Багровых зорь—звон, коней, псов бешеных,
Неудержимою стопой
Иду державно-роковой.
Орудий грохот, порыв мечтательный,
Смесь упоений, блеск ласкательный
Негодований и надежд,
Тоска блистательных невежд;
Четырехлетний размах воинственный
И ропот слез любви таинственной—
Кровавой дымки черный флер,
Цепей невидимый узор;
И, наконец, неограниченный,
Разлив, расплыв до обезличений.
Огонь, пожар, порыв, поток,
Коня измучивший ездок;
Взрыв упоений ласк и хохота
Души, усталой томленьм грохота,
Награда всем, презренье злу—
Плевок, растертый на полу.
Идет стопой своею славною,
Распространяя мощь державную,
Год вдохновений роковой,—
Рожденье духа! Смерть, покой!..

И. Гар.

Террорист.

Меня клеймят клеймом позорным,—
Убийцей называют все.

Я мщу за братьев, властью погубленных,
Сестер и матерей, трудом сгорбленных
Расстрелянных, невинно убиенных,—
Я мщу.
И тем, кто властью облеченный,
Народ терзает покоренный,
Всем ихней кровью напоенным,
Я смерть несу.
Разрушу я дворцы и троны,
Сорву с их глав венцы, короны;
Так трепещите-ж фараоны,—
Уж я иду!

Леонид Градно.

КРИТИКА.

О Калибане, Дамокловом мече и детях.

„Порицать и бранить имеет право только тот, кто любит“ (Тургенев). Мне кажется, что было бы не плохо, если бы все это всегда помнили. И действительно, то, что нас не касается, то, что мало нас трогает, можно обойти, пройти мимо, молча. Если же это близко нам, волнующе близко, то не лучше ли постараться поискать причин в глубинах, не лучше ли от бешенства Калибана притти хотя бы даже и к горькой истине. Жизнь всегда останется жизнью раздвоений,—жизнь прелюдий и жизнь сонат. И очень скверненькое получается впечатление, если ощущается диссонанс между прелюдией и сонатой. Конечно, все бы обстояло благополучнее, если бы вместо сонат исключительно тянулись заунывные песенки, другими словами, если бы вместо души были бы слабые, крайне несложные намеки на осязание себя в мире и мира в себе. Но увы, ни звериные, чисто эмоциональные стихии, ни беспощадно молчаливые волны вскипающих человеческих безвольных хотений не в состоянии заставить молчать, не слышать и не видеть самых примитивных диссонансов. И как бы не были малы и неглубоки сонатные провидения сердец, все же это—единственная мудрость, единственное касание жизней, и к ним то мы должны прислушиваться. Может обмануть рассудок, но сердце, сердце, нет,—оно никогда не обманет. „Есть улыбка и у смерти, есть улыбка и у крови, если где-то есть созвучье и касанье близких дуг [1]). Но если нет? Что же тогда? Тогда все произволу, все неосознанной причинности—и им победа и им венец. Сладость жизни, полнота ее чаши—сладость слияний. Не все-ли равно почему ее нет,—факт остается фактом и надо брать это последнее. А если этот факт всеобщ, если этот факт стал Дамокловым мечем, то не все-ли равно, кто его повесил и как он упадет?

И потому то, что нет слияний и все мы слишком близки земле мы должны каждый как можно ярче улыбаться друг другу и покорно предчувствовать может быть близкую жажду слияний, сладость их. А если жизнь стала тревогой, а в тревоге стихийность показывает звериный лик человека, то есть ли место осуждениям и порицаниям? А тревоги сердца—священные тревоги, и имеет-ли кто-нибудь из нас право, не прикрыв своего звериного лика, с жалким ревом и гамом захлебываясь от какого-то слишком рассудочного упоения, разрушением врываться фальшивой нотой в провидящие сонаты?! Пусть жалкие, пусть ограниченные, не все ли равно. А в молодости всегда меньше грязи и если она то кажется изломом, диссонансом, то как бы она безвредна и бесполезна не была,—ее содрогания, ее пульс самое мощное и созидающее, это—вечный девятый вал, это—последняя гамма моря.

И мы дети, наивно строящие песочные домики „для себя“, должны помнить, что последняя волна вынесет свои перлы и вознесет свои пирамиды и уже не только „для себя“, а и для других. А молодость, повторяю,—вечный девятый вал и он заставит себя слушать.

Этими немногими словами я ответил уважаемому тов. Меньшому, автору рецензии о журнале „Жизнь и Творчество Русской Молодежи“ под заглавием „Безвредные и бесполезные дети“, помещенной в „Известиях“ от 10 марта сего года (утренний выпуск). Откровенно говоря, что судя об образности, технике и приемах и стилистике молодых поэтов и прозаиков в частности сотрудников указанного журнала, я должен к прискорбью сознаться, что может-быть, благодаря этой незрелости и может быть излишней смелости в осознании себя, чем то современной русской молодежи приходится выслушивать хотя и конечно справедливые, но все ж те обидные упреки. Но что же делать—талантов вообще не так много, а если теперь их и меньше, чем могло бы казаться, то это уже беднота эпохи и ничего больше. И я совершенно искренно советую всем начинающим на поприще литературы, помнить одно, что правильность суждений и восчувствий часто суб'ективна и не подлежат критике и порицаниям, но правильность выражений и формы, а также и техника и гаммы в словесном искусстве существуют и имеют свое мерило. И этого забывать не следует, и это может быть один из тех немногих случаев, когда лучше быть законником, чем беззаконником.

Анатолий Вашков.

[1]) Анатолий Вашков.

На смерть расстреляных анархистов-революционеров.

По тем, кто пал у взятых баррикад,
Не надо песен и молитв! Наград
Не надо им.—
И гимн, пропетый вами у могил,
Память погибших оскорбил...
Вы мертвых храбрецов хотите чтить
И славить
И, даже может быть,
Готовы памятник им мраморный поставить
И слезы лить.
Душой заезжанной колесами программ,
Покрытой плесенью традиций,
Душой под вывеской: „свобода и тюрьма“,—
Нельзя гордиться
И молиться!
Прочь от могил!
Прочь от могил, где тело тех,
Кто волю чтил
И жил,
Кто нес свободы знамя смело,—
Еще от время не истлело!
И гимн им петь порочными устами,
И сыпать путь могильный их цветами,—
Не надо!
Им памятник построен их руками,
Он—баррикада!
Не надо
Речей могильных без ответа!
Лучшая награда им,—
Победа!

Александр Уранский.

ОСЕНЬ.

Стихотворение в прозе.

Над сверкающей струей Пахры нежится залелеянный лучами горящего светила маленький тихий городок. Он весь окаймлен золотистой листовой потухающей осени. С полутканей берез отделяются одинокие листочки и с легким шелестом колеблются вокруг меня то резко, то вдруг целыми роями, подобно маленьким желтоватым пчелкам, с жужжанием летающим вокруг оставленного улья.

На крутом берегу реки, где я присел зачарованный мирной лаской приготовившейся к долгому зимнему сну природы, так приветно, так нежно звучит осень. Словно милая рука далекой моей матери коснулась меня. Мне так хорошо!

Правда нет птиц, нет песен, как в яркие летние дни. Но нет и гула оружия, звона цепей, беспрестанно вопиющей к небу крови невинных или виновных, не все ли равно, но липкой, приторной, всегда противной.

Здесь мир и спокойствие столь нужное, столь желанное всем нам усталым, измученным путникам. Ведь жизнь так коротка, и осень скоро умрет! Будет ли воскресение? Зачем гадать! Давайте же, пока не поздно, насладимся еще, хоть немного тишиной благоухающего вечера...

Осень умирает, за ней—зима—холодная неприветная могила.

Так впитывайте же в себя еще последние лучи цветистых покрывал, потухающих огней заката!

Максим Нетропов.

Молодому Анархисту.

Товарищ! Рукою могучей своей
Закона и бога оковы разбей!
Забудь все условности, сбрось государство,
Запень и взорви молодое бунтарство!
Ты молод, силен, не боишься угроз,—
Горячую кровь не остудит мороз!
Как солнце прекрасен,
Как ветер могуч,
Тебе не опасен
Вой бури, тень туч!
Готовься, товарищ. Смелее вперед!
Для юности скоро настанет черед!
Протянем же руки! Союз заключим!
Анархии жизнь свою отдадим!
А там, за свободу и счастье людей
Мы вызовем в битву богов и царей!

Непокорный.

На чужбине.

Мой бесконечен путь. Суровые изгнанья
Меня не могут вдруг жестоко устрашить.
Одни безумцы лишь Судьбы предначертанья
Всегда бессильны все в мгновенье разрушить.

Они покорны все, угрюмы и печальны,
В рыданьях падают, под тяжестью креста,
Но все-ж свершают путь, свой путь многострадальный,

Доколь открыты им житейские врата.
И всех я знаю их. И здесь, и на Отчизне
Они воздвигли лишь безумия кумир
И страшно чужды им священной укоризны
Слова — одне слова к чему ваш подлый мир?

Пройдут года еще их вечных пресмыканий
И танец бешенный мгновенно загремит.
То танец Смерти их. И жизни прозябаний
Аккорд в последний раз уныло прозвучит.
Но в мире будут всё безумцев поколенья
Хранить завет своих безжизненных отцов,
Склонясь пред идолом святого Заблужденья,
Десятки, может быть, иль тысячи веков.
Они, пигмеи все, бездушные творенья,
Зачем толпятся лишь на сцене Бытия?
Кому их жизнь нужна? Достойна-ль сожаленья,

Когда бы вдруг ушли все в мир Небытия.
Их путь мне чужд всегда. И им еще презренным

В утробе Матери моей сумел я пренебречь.
И этим я дерзнул, дерзнул себя увлечь
В изгнанья вечные. Проклятьем вдохновенным

Тогда их проклял я и навсегда оставил
Во мраке жизни их ненужной и больной.
Себе-ж я мир иной для жизни предоставил
И гимны тихо пел,—я пел пред Красотой.
Я на Чужбине вновь. Один... Но жизнь Аскета

В моей груди не может угасить
Огня мятежного. Одев венец поэта,
Люблю я ненависть и без конца творить...

Р. Эрманд.

Н. С. Ермоленко-Южина.

Певица с голосом прекрасным
К нам из Хохландии пришла,
Москву пленила *утром* ясным,
А *в полдень* ноги унесла;
И *вечера* проводит ныне
В провинциальной глушь-пустыне.

Цицерон.

М. Н. Ермолова.

Царица нашей Малой сцены,
И гордость Русской всей земли,
Какие только перемены
На ней бы ни произошли.
Ее младенец знает каждый;
Могу сказать я без труда:
Кто „об'ермолился" однажды—
„Ермолить" будет уж всегда.

А. И. Южин-Сумбатов.

Артист-художник старой школы
И очень редкий человек;
Высоко держит стяг тяжелый
Искусства, сцены весь свой век.
Он с Мельпоменой очень дружен;
И я спросил бы: кто сильней,—
Артист великий славный Южин
Или Сумбатов—*драмодей*?

Цицерон.

ХРОНИКА.

МОСКВА. 18 марта состоялись похороны на Рогожском кладбище старого анархиста Н. П. Белова.

Бердянск занят отрядом анархиста Махно.

ПОЛОГИ, 16—III. Бердянск занят отрядом Махно. После вступления отряда в город и гавань вошел английский миноносец, командир которого вошел в переговоры с начальником отряда, требуя неприкосновенности иностранцев. (Роста).

Учащиеся-анархисты.

На состоявшийся в Смоленске 22—27 февраля с. г. с'езд учащихся западной коммуны кроме коммунистов и левых с.-р. прибыли также и анархисты.

Опровержение известия о расстреле анархиста-пропагандиста В. А. Поссе.

Помещенная нами в прошлом номере заметка, заимствованная из „Газеты Печатников" о расстреле В. А. Поссе опровергается. Вот, что мы читаем по поводу этой заметки в „Известиях В. Ц. И. К.".

В одном из номеров этой газеты было напечатано сенсационное известие, что известный литератор и социалист В. А. Поссе был, будто бы, расстрелян в Киеве большевистскими войсками. Украинское правительство было тотчас же запрошено по этому поводу Москвой. 14-го марта был получен ответ от Киевского Исполкома через Харьков. Вот текст этого ответа:

„Все слухи об аресте, тем более расстреле Поссе, ложны с начала до конца. Никаких покушений на его особу не было и не предполагается, Касмор".

Таким образом, и эта очередная клевета опровергнута. Но позволительно спросить: будут ли эти клеветники и распространители ложных слухов, явно волнующих массы населения, привлечены к судебной ответственности.

Управляющий Делами Совета Народных Комиссаров *В. Д. Бонч-Бруевич*.

„Бунтарь".

16 марта вышел в свет № 1 еженедельной газеты Иваново-Вознесенской анархистской группы „Бунтарь".

Харьков. Здесь организовалась группа анархистской молодежи.

„Вольная Жизнь".

В ближайшем будущем начнет выходить новый двухнедельный журнал „Вольная Жизнь", издаваемый Всероссийской Федерацией Анархистов-Коммунистов под редакцией А. А. Карелина.

Концерт памяти М. Бакунина.

30 марта в Голуб. Зале дома Союзов в 3 часа дня состоится концерт митинг. Вступит. слово скажет А. Карелин.

Эсперанто.

Теоретические диспуты о искусственном языке в Народном Комиссариате по Просвещению закончились самым благоприятным образом для Эсперанто. 5 марта Комиссия по вопросу о факультативном преподавании международного языка, функционирующая при Наркомпросе, признала, что Эсперанто является наилучшим международным языком. Теперь Комиссия приступила к практическому разрешению вопроса о введении Эсперанто в трудовые школы. Нет сомнения, что примеру этому последуют в ближайшем будущем и остальные Советские Республики.

Ученым лингвистам, членам Комиссии пришлось признать, что лишь нейтральный и искусственный, легкий язык может быть международным. И конечно избран колосс из всех искусственных языков Эсперанто.

Оффициальное признание Эсперанто видными профессорами-лингвистами, окончательно отнимает почву у всех „еще не уверовавших"— „идейных" противников искусственного языка. Смешно ведь в самом деле не признавать факта: а факт гласит, что существует и процветает живой, гибкий, гармоничный и гениально-легкий язык Эсперанто. Эсперантисты советуют своим противникам ознакомиться с Эсперанто. И после этого при своем убеждении остается лишь близорукий профан.

А молодежь, в особенности трудящаяся уже давно поняла, что даст ей общий, вспомогательный язык. И распространение среди нее Эсперанто подвигается быстро вперед. Ниже помещаем некоторые данные о успехах Эсперанто за последнее время среди молодежи.

Москва. Московский Союз Юных Эсперантистов в ближайшем будущем намерен устроить ряд лекций и митингов об Эсперанто в трудовых школах, клубах и организациях молодежи. Лектором приглашен талантливый оратор, тов. Н. Футерфас. Организациям и школам, желающим послушать такого рода лекции, предлагается немедленно известить Агитационное Бюро М. С. Ю. Э. („Дом Эсперанто", Арбат, Сивцев-Вражек, № 42).

23-го февраля 1-й Московский Кружок Учащихся-Эсперантистов устроил в новом помещении 67 школы (Неопалимовский пер., д. 6) большой митинг-протест, по поводу предполагавшегося введения преподавания иностранных языков в Советские школы 2 ступени. Присутствовало более 100 человек. В конце была принята резолюция-протест, напечатанный в № 22 журнала „Ж. и Т. Р. М.".

Петроград. При Электротехническом Институте имени тов. Ленина возобновляет свое существование Студенческий Эсперантский Кружок, после продолжительного бездействия во время войны. Члены Кружка намерены переводить технические книги на Эсперанто и наоборот. (Адрес: Электротехнический Институт, тов. И. Г. Щербакову).

Симбирск. Открывшийся Институт М. Я. Эсперанто посещают в большом количестве студенты Университета и местного Педагогического Института

Тверь. Для почтово-телеграфной молодежи открылись специальные курсы Эсперанто. Руководит тов. А. Лебедев.

Витебск. Открылись курсы языка для учащейся молодежи при Археологическом Институте.

Данков. Рязанской губ. Эсперантская молодежь гор. Данкова в скором времени будет издавать журнал, посвященный распространению и применению Эсперанто. Материалы посылать по адресу Данковского Общества Эсперантистов.

Катунки, Нижегородской губ. Благодаря энергичной пропаганде художника тов. М. Ф. Чапкина преподавание Эсперанто введено в трех местных школах 2 ступени.

Меленки. Владим. губ. Местный Отдел Народного Образования открывает трехмесячные курсы для подготовки эсперантских преподавателей в трудовых школах.

При Коммунистическом Союзе Молодежи функционируют эсперантские курсы.

Организуется Кружок Эсперантистов. Предполагается издание журнала, организация вечера и интенсивная пропаганда Эсперанто среди рабочей молодежи.

Великие-Луки, Псковской губ. Местный Отдел Народного Образования заслушав доклад председателя Великолуцкого Общества Эсперантистов, постановил ввести Эсперанто, как необязательный предмет во все учебные заведения города.

Орлов, Вятской губ. При Союзе Коммунистической молодежи открылась эсперантская секция.

Г. Р.

Продолжается подписка на Ж. и Т. Р. М. на 1919 год.

На год—**100** руб., на 6 мес.—**55** руб., на 3 мес.—**30** руб., на 1 мес.—**10** руб. с доставкой. Подробности подписки и издания смотрите в № 16 журнала.

Требуются агенты для широкого распространения журнала. Требуйте инструкцию.

Фонд журнала „Ж. и Т. Р. М."

	756 р. 95 к.
От постоянного читателя В. Бугринова (Орел)	20 р. — к.
Итого с прежде поступившими . . .	776 р. 95 к.

ОТЧЕТ КАССЫ

Всероссийской Федерации Анархистской Молодежи № 2.

ПРИХОД.

К 25 марта состояло: 1) членских взносов	315 руб.
2) Пожертвований . . .	240 руб.
3) На приобретение литературы получено	810 руб. 50 к.
Итого . .	1365 руб. 50 к.

РАСХОД.

1) На изготовление членских билетов	200 р. — к.
2) На приобретение литературы	810 р. 50 к.
3) Почтовые расходы	2 р. 50 к.
4) Прошлые расходы	70 р. — к.
Итого	1083 руб. — к.
Касса	282 р. 50 к.

* * *

Эй!
Люди! Обыватели жизни!
Сегодня ваш крах!
Знаете ли вы, что все
ваши мысли, думы
Развеяны в прах?!!
Ваша жизнь теперь—сущий нуль!
Все ваше:
Бог,
Любовь,
Искусство,
Закон,
Глухой звон,—
Провалилось в пропасть Вечности.
Вы теперь среди нас—
Живые трупы.
Сгиньте! Сгиньте:
Революция Духа грядет
С нею Анарх-Человек идет!!!

Гр. Шмерельсон.

АНОНС.

На Пасхальной неделе Московская Анархическая Ассоциация Молодежи

УСТРАИВАЕТ

в пользу журнала „Жизнь и Творчество Русской Молодежи"

БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ

с участием известных артистов г. Москвы.

Концерт устраивается в Колонном Зале Дома Союзов (Уг. В. Дмитровки и Охотн. ряда).

Редактор: Н. В. Жарков.

Издание Московской Анархической Ассоциации молодежи.

Типография „РУССКАЯ ПЕЧАТНЯ", Москва, Большая Садовая, д. 14. Телефон № 2-08-35.